

УДК 323

DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-511-522

Оригинальное исследование

Политическая мифология как идеологически маркированное повествование на постсоветском пространстве: смыслопроизводство в государственной политике

Рязанцев А.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, Россия, 302028, г. Орёл, б. Победы, 5а

E-mail: a@lsav.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию институционализации политической мифологии в новых государствах на постсоветском пространстве (Украина, республики Прибалтики, Молдова и др.), которая оправдывает и обосновывает политический порядок в данных полициях. Цель статьи – представить мотивацию политических режимов во внедрении в общественное сознание сконструированных мифов. Актуальность исследования состоит в представлении в научном дискурсе сущности и практик политической мифологии. Научная новизна состоит в выявлении особенностей и масштаба внедрения политических мифов в ряде государств постсоветского пространства. В ходе исследования выявлено, что становление новых государств на постсоветском пространстве происходит крайне болезненно во многом потому, что у части данных полиций не было традиций своей государственности. Сделан вывод о том, что политическая мифология (при отсутствии конкуренции на интерпретацию истории) помогает новым полициям укрепить состоятельность новым государствам, обеспечить стабильность и устойчивость их политических систем.

Ключевые слова: акции, риски, статистика, моделирование, Matlab

Для цитирования: Рязанцев А.А. 2024. Политическая мифология как идеологически маркированное повествование на постсоветском пространстве: смыслопроизводство в государственной политике. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 511–522. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-511-522

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Political Mythology as an Ideologically Marked Narrative in the Post-Soviet Space: Semantic Production in Public Policy

Alexander A. Ryazantsev

Central Russian Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 5a Pobeda b., Orel, 302028, Russia

E-mail: a@lsav.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the institutionalization of political mythology in new states in the post-Soviet space (Ukraine, the Baltic republics, Moldova, etc.), which justifies and substantiates the political order in these polities. The purpose of the article is to present the motivation of political regimes in introducing constructed myths into the public consciousness. The relevance of the study lies in the presentation of the essence and practices of political mythology in scientific discourse. The scientific novelty consists in identifying the features and scale of the introduction of political myths in a number of states of the post-Soviet space. The study revealed that the formation of new states in the post-Soviet space

is extremely painful, largely because some of these polities did not have traditions of their own statehood. It is concluded that political mythology (in the absence of competition for the interpretation of history) helps new polities to strengthen the viability of new states, to ensure the stability and sustainability of their political systems.

Keywords: stock, risk, statistics, modeling, Matlab

For citation: Ryazantsev A.A. 2024. Political Mythology as an Ideologically Marked Narrative in the Post-Soviet Space: Semantic Production in Public Policy. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 511–522 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-511-522

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Политика, символическая политика, как подчеркивает один из классиков структурного функционализма, американский политолог Т. Парсонс, может коррелироваться с двумя типами коллективов [Парсонс, 1997, с. 136]. С одной стороны, это ассоциативный тип коллектива, с другой стороны, это и государственно-бюрократический тип коллективов. Логично также выделить и еще один тип коллективов, соотносимый с институтом гражданства. Данный подход дает возможность системно представить символическую политику как формат нахождения консенсуса индивидов, групп интересов и государственных структур в постсоветских государствах по ценностям, ключевым смыслам и основным нарративам.

В разрезе ассоциативных коллективов базовыми функциями политик являются включение граждан в группы по интересам с соответствующими идеалами и предпочтениями, артикулирование данных идеалов и предпочтений в публичную сферу в виде проектов и программ развития. В разрезе государственно-бюрократического коллектива основными функциями политик являются утверждение законов и норм в обществе, в том числе и в отношении ценностей, формирование атмосферы, где могут реализовываться принципы социальной справедливости. В ракурсе института гражданства работа ведется по формированию этнической и государственной (гражданской) идентичности, по внедрению базовой идеологии, по политической социализации новых поколений и мобилизации граждан.

Соединение функций политик в национальных государствах представляет собой процесс интеракционизма, в результате которого перед нами предстает система преобразований и констант. Такая система политики может быть наиболее предпочтительной системой, в которую преобразовываются ради общего понимания все другие морально-нравственные компоненты. Особое место в системе символического интеракционизма в реализуемой институтах и акторами символической политике играет политика памяти. Данную политику логично понимать в системе управления [Chatterjee, 2004, p. 53], системе задействования прошедшей истории в целях управления коллективной исторической памятью.

При этом как политика памяти, так и символическая политика может противоречить ценностям демократии, даже если она оформлена «законами памяти». И не только на постсоветском пространстве, но и, к примеру, в странах Западной Европы. Стоит также добавить, что сущность символического интеракционизма выявил американский социолог Г. Блумер [Блумер, 2017, с. 38]. Его исследование сущности данного понятия важно для нашего исследования в понимании символической политики на постсоветском пространстве. Он доказал, что данный феномен базируется на трех посылах. Первый посыл состоит в том, что люди в своих странах действуют в отношении символов, исходя из их значений. Второй посыл Г. Блумера состоит в том, что значение моральных продуктов возникает из социального взаимодействия (интеракционизма), в которое они вступают с окружающим миром. Третий посыл, значения (символы) используются и преобразуются в ходе интерпретативного процесса.

На наш взгляд, на первом этапе развития постсоветских государств (всего автор выделяет три этапа), который можно ограничить временными рамками 1991–2003 гг., была сформирована символическая система этнорелигиозных и цивилизационных предпочтений. Это соответствует первому послылу Г. Блумера. Кроме того, были прочерчены ориентиры для понимания морально-нравственных идеалов (для морального воспитания и привязанности к социальным группам – по Э. Дюркгейму) [Дюркгейм, 2021, с. 166], нарративы (повествования) в отношении прошлого, ценности сегодняшнего дня и смыслы в отношении будущего. Данный аспект коррелируется со вторым послылом Г. Блумера, что позволяет нам выделить второй этап (2004–20013 гг.) в символической политике постсоветских государств.

В итоге символическая политика новых государств на постсоветском пространстве как символический интеракционизм основных институтов и политических акторов окончательно оформилась к 2004 году. Знаковыми событиями в данном ряду стали: 1) вступление Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС и НАТО (цивилизационный выбор в сторону евроатлантизма); 2) победа «оранжевой революции» на Украине и кардинальные трансформации политики памяти при президенте В. Ющенко (обозначение линия межцивилизационного разлома). Для России 2004 год также стал временем цивилизационного выбора в сторону самобытности и евразийства, охлаждение отношений со странами Запада, разочарование правящего политического режима в ценностях либеральной демократии.

В частности, в 2004 году в РФ были отменены прямые выборы глав регионов (формальным поводом стали последствия террористического акта в Беслане), что привело к политической мобилизации населения и консолидации основных социальных слоев и групп российского общества. Определенным водоразделом в понимании прошлого, настоящего и будущего политическим режимом в РФ и политическими режимами стран Запада, частью стран новых государств стало дело ЮКОСа М. Ходорковского. Ещё одним водоразделом, переросшим в глобальный конфликт за ценности, смыслы и нарративы, стали события 2014 года (государственный переворот на Украине, вхождение Крыма в состав России). Это позволяет автору выделить третий этап символической политики постсоветских государств (с 2014 года по настоящее время), когда значения (символы), в том числе коллективная память, подвергаются политическими режимами постсоветских государств кардинальной трансформации в ходе интерпретативного процесса [Голосов, 2024, с. 30].

Для символической политики постсоветских государств характерно и использование в политико-управленческих практиках понятия «политическая метафора». Концепт политической метафоры, по мнению зарубежных исследователей, представляет собой понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида (к примеру, спор – это война). Политическая метафора, согласно точке зрения автора, является связующим элементом между исторической памятью (объективным отражением прошлого) и политической мифологией. В последнем случае – конструированием новой реальности.

Исследуя функции политической метафоры, имеет смысл обратиться и к исследованию российского политолога К.Е. Коктыша, в котором он представляет три функции политики (в том числе и символической) и власти в ракурсе политической метафоры. Для политических режимов постсоветских стран и исследования их символической политики это очень важный ракурс. Таким образом, К.Е. Коктыш выделяет метафору безопасности (сохранения политики как жизнеобеспечивающей миссии), метафору влияния во внутренней и внешней политике (воспроизводство ценностей, смыслов и нарративов), метафору общественного блага и устойчивого социально-экономического и политического развития [Коктыш, 2020, с. 163].

В исследовании памяти (Memory Studies), в том числе в русле третьей волны²⁰⁵, в реализуемой символической политике постсоветских государств, и это мы подчеркивали

²⁰⁵ Для исследования памяти характерны три волны: 1) 1920-е – 1940-е годы; 2) 1950-е – по конец 1990-х годов; 3) конец 1990-х годов – по настоящее время.

выше, лежат ценности, смыслы, нарративы. При этом важно подчеркнуть, что для научных общенациональных дискуссий большинства новых стран, кроме России, находится авторизованный дискурс наследия, который нацелен на некритическое понимание прошлого. Более того, в рамках данного дискурса экспертное и научное сообщества данных политий ориентируется на достижения согласия (консенсуса) применительно к прошедшему историческому прошлому, по сглаживанию историко-политических конфликтов национальной истории и имеющихся противоречий в логике изложения событий.

Ключевым элементом политики памяти, а также морали являются ценности. Современный немецкий социолог и политолог Х. Йоас подчеркивает, что понятие «ценность» нужно рассматривать вне экономического контекста, это не безобидная понятийная инновация. При этом в основе ценности, по мнению данного исследователя, лежит дуализм «фактичности» и «значимости» [Йоас, 2023, с. 37]. Х. Йоас выделяет и структуру ценностей: 1) ощущение ценности; 2) ценностные суждения, претендующие на объективность; 3) соотношение ощущения ценности, ценностных суждений и фактических реалий.

При этом ценности, на наш взгляд, это и предпочтения различных слоев общества, и определенные цели в приращении общего (публичного) блага, и некий свод норм, правил и идеалов понимания прошлого в прохождении настоящего и движении к будущему. Для символической политики и политик памяти, как её компонентов, постсоветских государств характерны и ценностные ощущения, и выражение в отношении восприятия «своих», «других» и «чужих» [Лабутина, 2021], которые позволяют проходить политический трек от ценностей выживания (самосохранения) к ценностям самовыражения и развития. При этом, как отмечает немецкий политолог А. Ассман, политика памяти имеет три измерения: нейтронное, культурное, социальное [Ассман, 2023, с. 29].

Смыслы, нарративы и репрезентации в государственной политике памяти

Государственная политика в экономической и политической сфере в постсоветских государствах логично вытекает из вопроса «что делается?». При этом смыслопроизводство, как и символическая политика новых стран, отвечает на более актуальный вопрос в политической повестке дня: «зачем это делается?». Поэтому без системного и комплексного ответа на поставленный вопрос государственная политика лишает политический режим доверия и поддержки со стороны граждан, групп интересов и групп давления. Стоит отметить, что группы интересов и группы давления как влиятельные компоненты управленческого процесса политики [Bentli, 1995] также участвуют в конструировании смыслов и в продвижении ценностей.

Важно также иметь в виду, что в символах, как и в символической политике государств, интегрирована способность политических элит видеть в материальных формах ценности и образы, что превращает элиту [Field, Higli, 1980] в особый феномен. Ведь именно элиты участвуют в конструировании политических наций новых государств и в формировании символической политики, базирующихся на смыслах. Смыслах, состоящих из ценностей как красивого обрамления символической политики, намерений политического режима как способа и средств осуществления власти, эмоций как состояния атмосферы в обществе.

При этом всплеск эмоций, как позитивных, так и негативных, является частью процесса смыслопроизводства, государственного управления и государственного регулирования норм, правил, чувств, иерархии идеалов и ожиданий определенных групп [Харрис, 2020, с. 60].

Опираясь на вышеизложенное в рамках одной из гипотез нашего исследования, мы высказываем предположение, что смыслопроизводство в постсоветских государствах выступает актуализированной идеологической функцией политических режимов, а разрабатываемая различными институтами и акторами символическая политика становится категорическим императивом в обеспечении устойчивости данных режимов и стабильности политических систем. Данная функция государственного управления была актуализирована в постсоветских государствах в период 2000-х годов по мере возникновения политических и

военных конфликтов между ними как противоядие от проведения «цветных революций» на части постсоветского пространства. Политика символов как форма коммуникации была включена в международную повестку России для доведения своей точки зрения на международно-политические события в ответ на вызовы, брошенные России странами коллективного Запада.

Смыслопроизводство в символической политике, на наш взгляд, имеет несколько принципиально важных направлений. Первое направление – формирование коллективной и индивидуальной памяти населения постсоветских стран. Второе направление – формирование и модернизация, усиление роли мнемотических мест памяти: исторических памятников и монументов, выставок, исторических музеев, визуальные образы которых указывают на значимые идеи и личности, показывающие правильный путь политической нации в историческом описании [Бобкова, 2019]. Третье направление – массовое участие граждан в актах коммеморации. Четвертое направление – задействование исторической реконструкции и политической мифологии в образовательном и воспитательном процессе. Стоит также подчеркнуть, что в системе смыслопроизводства важная роль отведена государственным и негосударственным институтам и учреждениям в процессе поиска гражданами своей идентичности (цивилизационной, этнической, религиозной, гражданской), а также группам интеллектуалов и различным экспертным структурам, обеспечивающим формирование объективного подхода в процессе смыслопроизводства [Фадеева, 2012, с. 24], с учетом политических трендов в пространственно-временном континууме постсоветских стран.

Важно также подчеркнуть, что формирующаяся коллективная память в постсоветских государствах (процесс, по оценке автора, еще не завершен, он также требует постоянной работы с новыми поколениями) агрегирует нарративы. То есть удобное для политической власти в данных государствах непротиворечивое и комфортное повествование о прошлом, настоящем и будущем новых политий. При этом историческая память, новая история имеют цель сократить дистанцию между «сегодня» и «вчера», стать частью постсовременности [Халас, 2021, с. 54], обеспечивая тем самым преемственность и легитимацию власти. Таким образом, историческая нарратология приобрела свою значимость и системность в государствах постсоветского пространства как процесс символического интеракционизма государства и общества. Фактически нарратология, приобретая свою актуальность, воспроизводит себя, когда разрушение прошлого переходит в конструирование будущего.

Автор отмечает, что нарративы символической политики в постсоветских государствах периода 1990-х и 2000-х годов, а именно факты прошлого и их этическая интерпретация, были следующими. Во-первых, в 1990-е годы – это четкая и негативная коннотация истории с самодержавием имперской России, деспотией, сталинизмом периода СССР, советской эпохой («совком»). Эти временные отрезки были негативными периодами истории новых государств, поскольку данные территории были частью общего пространства. И, что особо подчеркивается, это привело народы данных новых государств к титульным нациям к отсталости, регрессу и стратегическому отставанию.

Во-вторых, нарративы 2000-х годов в символической политике постсоветских стран (исключение составили лишь РФ и Белоруссия) были объединены вокруг идеи тупикового развития в составе Российской империи и СССР на фоне становления сегодняшней государственности и гарантированного прекрасного будущего. И гарантии этого – наличие международных партнеров из стран Запада, проводимая символическая политика в разрезе общечеловеческих ценностей. Таким образом, в символической политике новых государств формировались нарративы и коммуникативные стратегии и политические практики [Тюпа, 2021, с. 11].

В рамках представленной темы исследования автор не только педалирует острую борьбу политических элит и научных кругов постсоветских стран за интерпретацию исторического прошлого, оформляющуюся иногда в антагонизм (Россия – Украина, Россия –

Прибалтика, Россия – Грузия), но и представляет авторскую классификацию политики памяти, символической политики бывших республик СССР. Автор также разделяет все 15 новых государств постсоветского пространства в отношении символической политики и исторической репрезентации на три основные группы. Первая группа – это постсоветские страны, реализующие эстетическую политику с опорой на политическую мифологию.

Эстетическая репрезентация прошлого с определенными нарративами данной группы государств на постсоветском пространстве коррелирует с избирательным и не всегда объективным подходом в интерпретации фактов прошлого с индоктринацией вырванных их контекста знаковых событий. Соответственно, перед нами предстает приукрашенная картина удобного прошлого. При этом мы сталкиваемся с очевидным выводом, что политическую мифологию транслируют в научный и прикладной дискурс выращенные новые институты и акторы политического процесса.

Это три республики Прибалтики, Украина, Молдавия, Грузия, Армения. Представляемые конструкторы прошлого описываются и подаются в поле научных исследований в мифологических образах, которые ускоряют процесс формирования этнической и гражданской идентичности данных политий, но при этом эти образы и факты, их интерпретация далеки от исторической объективности. Более того, политическая мифология обеспечивает выигрыш правящим общенациональным элитам. Правда, только в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В долгосрочной же перспективе это приводит к стратегическому проигрышу.

Политика памяти как часть символической политики первой группы постсоветских стран представляет собой движение к некоему единому и универсальному общенациональному нарративу. Разумеется, данный нарратив является и ответом на вызов научных подходов в исследовании прошлого в русле «нового историзма XXI века», в русле уже цитируемого нами нового «поворота истории» с его метамодернизмом, который логично понимать как особое направление в исторической и политической науке в аспектах культурной чувственности [Ван ден Аккер, 2020, с. 41].

Понятия метамодернизма и политической мифологии является близким к постправде и постистине, когда эмоциональная сторона освещения истории становится превалирующей по отношению к стороне фактической. При этом официальный нарратив в символической политике этой группы государств представляет собой выверенные паттерны. Это сталинский государственный террор и советский тоталитаризм в прошлом [Эппле, 2021, с. 35-49], политически «пригодное» прошлое после распада СССР 1991 года.

Ко второй группе государств автор относит Россию и Белоруссию с миметической репрезентацией прошлого. Государственными и негосударственными институтами и научным сообществом данных стран в политике памяти, в символической политике сделана ставка на историзм. А публикуемые исследования российских и белорусских историков по интерпретации событий прошлого в большей мере коррелируют с историческими реалиями. Стоит также отметить, что сообщество профессиональных историков более конструктивно оценивает развитие этих территорий в составе Российской империи и СССР. Кстати, современный теоретик исторической социологии Й. Арнасон полагает, что именно имперское наследие России оказало решающее воздействие на социально-экономическое развитие Советского Союза [Ариасон, 2021, с. 187]. Стоит отметить, что в данную группу постсоветских государств автор отнес и Туркмению.

В третью группу стран автор включил Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, для политики памяти которых характерен гибридный подход, то есть исследование памяти с более сбалансированной и не эмоциональной интерпретацией фактов и исторических деятелей, не исключая и трудные вопросы XX и XXI веков, а именно о конфликтах на данных территориях, входивших в Российскую империю, об этническом коллаборационизме на территории Советского Союза, о реальных причинах и политических акторах, инициаторах развязывания Второй мировой войны.

Особенности политической мифологии в символической политике

Ключевое значение в государственной политике памяти в постсоветских государствах, включая работу сообщества историков, работающих в вузах и научных академических учреждениях, отводится конструированию политических мифов (политической мифологии). Автор исследования полагает, что проблематика политической мифологии достаточно серьезно исследована и представлена в работах французско-бельгийского философа и этнографа К. Леви-Строса и французского философа и семиотика Р. Барта. Исследовательскую линию в понимании политической мифологии продолжили и отечественные политологи и антропологи, такие как Н.Г. Щербинина, А.Г. Иванов (система современной мифологии), А.А. Линченко (опыт конструирования мифов и механизмы использования), Е.А. Прудникова и И.И. Чигирин (анализ ряда политических мифов в современном мире, включая миф о голодоморе на Украине).

Французско-бельгийский философ и этнограф К. Леви-Строс в своих работах доказывал, что в базовой основе культурных практик и мифологии обществ лежат общие повторяющиеся структуры их производства и воспроизводства, изучение элементов которых возможно лишь при описании их места в системе. Расположение данных элементов мифологии в их семантическом равновесии различно, одни мифы – восхваляющие, другие – уничижительные. Мифологии свойственна и соответствующая коннотация, части – доброжелательность и спокойствие, другой части – турбулентность, насилие и беспорядок. Кроме того, одна часть мифологии коррелируется с пространством, другая часть мифологии – со временем. Мифологию, связанную с властью, К. Леви-Строс сравнивал с духовными специями (пряно-сти), в которых нуждается общество [Леви-Строс, 2018, с. 30]. Мифология, по оценке данного философа и антрополога, является компонентом этнической идентичности и передается через институт семьи, точнее, через отношения членов одной семьи с другими семьями.

Французский философ и семиотик Р. Барт в своей основной работе «Мифология» исследует культурные феномены. Он доказывает свою гипотезу о том, что в государствах, как правило, все типы коммуникаций кодируются в знаковых системах, и эти системы представляют собой продукт сознательного мифотворчества. Данный исследователь изучает происхождение и феноменологию политического мифа в рамках коннотативной семиологии (знаковые системы в ракурсе латентных смыслов). Соответственно, смыслы, по мнению Р. Барта, требуют расшифровки или прочтения. Таким образом, по мнению французского ученого, мы имеем дело с механизмами и технологиями становления политических мифов, более того, превращения истории в определённую идеологию. Р. Барт рассматривал политическую мифологию в разрезе трех уровней: архаичную или традиционную, «новую» (например, советскую мифологию) и новейшую, сознательно сконструированную мифологию [Барт, 2019]. Таким образом, на наш взгляд, понятия политической мифологии и политической идеологии очень близки, что делает их символической основой активной государственной политики постсоветских государств.

Научные изыскания Р. Барта в разрезе близости понятий «политическая мифология» и «политическая идеология» логично продолжить, разделяя мифологию на две части, политическую и религиозную. Сущность политической мифологии стоит понимать как элемент политической идеологии, служащей интересам власти (режима) в целях политической мобилизации граждан. С точки зрения структуры и содержания в политической мифологии важно рассматривать идеологически маркированное повествование, транслируемое в обществе, о прошлом и настоящем политии, о прогнозируемом будущем государства. Таким образом, политическая мифология вовсе не тождественна истории. Ведь политический миф – это всего лишь некое повествование. В свою очередь, история выступает как логическая цепочка объективного изложения прошедших событий.

Стоит отметить, что в новых государствах коллективное политическое лидерство как определенное созидательно-героическое деяние требует конструирования сакральной политической реальности. Данный процесс усилиями власти, экспертного сообщества исходит от понятия «символ» и «символическая референция». А уже потом переходит к стадии конструирования мифогероического прошлого, которое предназначено для легитимации функционирующих политических режимов. В целом для постсоветской мифологии, как правило, характерна агрессивная претензия на универсальность.

Российский социолог и политолог А.Г. Иванов считает, что в основе мифологии (он считает ее социальной, а не политической) лежит набор схем, алгоритмов поведения. В соответствии с этим набором гражданам легче понимать и дополнять существующую картину мира и их нахождения в нем. Исследователь А.Г. Иванов выделяет два вида мифологии. Это архаическая мифология (как у Р. Барта) и конъюнктурная мифология [Иванов, 2019, с. 15]. Распространенность мифологии в постсоветских государствах, массовые практики конструирования политической реальности в данных странах привели к возникновению ряда проблем. Первая проблема связана с тем, что мифология стала выступать от имени науки посредством ненаучных форм знания. Вторая проблема связана с преждевременной легитимацией теоретических концепций, не прошедших верификацию.

Примером политической мифологии на постсоветском пространстве, согласно исследованию отечественных политологов Е.А. Прудниковой и И.И. Чигирина, является миф о «Голодоморе» на Украине в 1930-е годы, который, наравне с мифологией о Катыни и равной ответственности СССР и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны, является глобальным мифом современности. Именно мифология «Голодомора» с точки зрения травматического прошлого помогала в борьбе за независимость бывшей республики СССР, а затем и в оформлении украинской политической нации [Прудникова, 2019, с. 451]. Еще ряд российских исследователей политической мифологии отмечает важность участия медиа, точнее, механизмов и инструментов медиа в конструировании и продвижении «второй реальности» к массовому потребителю [Олешко, 2021, с. 122].

Сконструированную и реализуемую в большинстве постсоветских государств политическую мифологию, и на этом акцентирует внимание автор, логично понимать как превращение истории и исследования памяти в политическую идеологию. Вне зависимости от того, какая именно идеология (либерализм, консерватизм, национализм) лежит в основе конкретного политического режима на постсоветском пространстве. Что касается соотношения политической идеологии и сущности политической мифологии, то здесь логично выделить ряд близких аспектов.

Французский политолог Дестюд де Траси, первым внесшим данное понятие в теорию и политико-управленческие практики, представлял в научных дискуссиях идеологию как ощущения преимущественно эмоциональные, как идеи и как знаки [Де Трасси, 2018, с. 41]. Таким образом, полагает автор, политическая идеология и политическая мифология с их эмоциями, ценностями и знаками (символами) занимают ключевое положение в структуре политического сознания взрослого населения постсоветских стран. А от политического сознания зависят содержание и основные характеристики политического процесса.

Далее не менее важным, как считает автор, является и то, что и идеология, и политическая мифология лежат в основе постсоветских политических режимов. Такая уверенность имеется в работах австралийского политолога Г. Гилла [Gill, 2013], такой линии изложения своего подхода придерживаются и российские политологи Н. Андрейченко, А. Реус. Они воспринимают идеологию и политическую мифологию как комплекс идей, которые управляют действиями политиков [Андрейченко, Реус, 2022, с. 27]. Более того, на наш взгляд, именно политическая мифология с национальной спецификой каждой из постсоветских стран стала ключевым компонентом в первую очередь идеологии национализма и националистической мобилизации постсоветских стран [Рогов, 2021, с. 204] (кроме России). Такой

же логики в отношении государств постсоветского пространства придерживается и автор статьи, считая институционализированную систему политической власти большинства новых политий популистскими националистическими режимами.

Символические аспекты функционирования государств постсоветского пространства, как полагают О.Ю. Масленникова и А.И. Миллер, не могли формироваться с чистого листа [Малинова, Миллер, 2021]. Еще до распада СССР, считает автор, в абсолютном большинстве союзных республик сложились этнократии (концентрация власти в руках одной этнонациональной группы с использованием властного ресурса в интересах данной группы [Тощенко, 2003, с. 13]). И этнократия была ориентирована не только на национализм и элитную сецессию, но и на спектр конструируемой политической мифологии, обеспечивающей легитимность этнократической власти.

Этноцентристская политическая мифология и идеология национализма становились двумя сторонами одной медали (конструкта). Вместе с тем было бы неправильным полагать, что современные постсоветские политические режимы основаны только на идеологии национализма и политической мифологии с национальной спецификой. Другими характеристиками данных политических режимов становились антикоммунизм и русофобия (мораль «другого биологического вида» [Апрышко, 2021, с. 135]), этнополитический популизм (в социально-политической сфере), либерализм и глобализм (в экономике).

Заключение

Стоит отметить, что в начале 2010-х годов для выделенных нами трех групп государств стали характерны серьезные трансформации в смыслопроизводстве.

Во-первых, для группы государств идеология национализма, замешанная на новых и «старых» этнополитических мифах, приобрела агрессивный характер. В нее в течение 10–12 лет был имплантирован ресентимент, при этом, что особенно важно, в рамках либеральной демократии. А ресентимент относит поведение этнократий и масс, по оценке философа и политолога М. Шелера, к сильным эмоциям, к масштабным и интенсивным коллективным переживаниям, к необходимости эмоционального ответа политической нации, а также и к возможным ее деструктивным действиям и военным конфликтам. В структуре ресентимента содержатся послы враждебности, мести, имеющие четко негативный и контрпродуктивный характер [Шелер, 1999, с. 11].

Это группа постсоветских государств, где политические режимы формировали в общенациональной политике памяти и символической политике роль «пострадавших» государств и этносов (титульной нации, грузин, латышей, эстонцев и др.), которым требуется от России как правопреемницы СССР моральная и материальная компенсация. К примеру, республики Прибалтики просчитали для РФ «компенсацию за оккупацию», которая составила на начало 2015 года у Латвии – 300 млрд долларов, у Эстонии – 49 млрд, у Литвы – 834 млрд долларов [Каце, 1915].

Во-вторых, для группы государств (РФ, Белоруссия, Туркмения) для символической политики была характерна институциональная легитимация консервативных ценностей как стиль политического мышления и действия правящей элиты. Таким образом, во внутренней политике данной группы государств произошло гармоничное сочетание консервативных и реформаторских начал. Особенно этот политико-управленческий тренд отмечен в символической политике РФ, выбравшей путь противоборства с западной цивилизацией [Костин, 2023].

В-третьих, для группы государств, находящихся в процессе транзита, символическая политика балансировала между двумя представленными выше типами государств, в различные отрезки времени сочетая разные модели исторической памяти и политической мифологии.

Список источников

Каце Л. «Ущерб от советской оккупации»: кто кому остался должен? URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/231115-ushcherb-ot-sovetskoy-okkupatsii/> (дата обращения: 19.04.2024)

Список литературы

- Андрейченко Н., Реус А. 2022. Индеология. М., Приквел, 320.
- Апрышко П.П. 2021. Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России. 2-е изд., доп. М., Мир философии, Алгоритм, 607.
- Ариасон Й. 2021. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., Новое литературное обозрение, 304.
- Ассман А. 2023. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., Новое литературное обозрение, 328.
- Барт Р. 2019. Мифология. М., Академический проект, 351.
- Блумер Г. 2017. Символический интеракционизм: метод и перспектива. М., Элементарные формы, 346.
- Бобкова М.С. 2019. Состояние переходности и смыслы истории. СПб., Евразия, 400.
- Ван ден Аккер Р. 2020. Метамодернизм. Истричность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., РИПОЛ классик, 496.
- Голосов Г.В. 2024. Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе. М., Рутения, 404.
- Де Трасси Д.А.-Л.-К. 2018. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., Академический проект, 255.
- Дюркгейм Э. 2021. Моральное воспитание. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 456.
- Иванов А.Г. 2019. Система современной социальной мифологии. СПб., Алетейя, 182.
- Йоас Х. 2023. Возникновение ценностей. СПб., Алетейя, 312.
- Коктыш К.Е. 2020. Политический институт В: Теория политики: Углубленный курс. М., Аспект Пресс: 158–182.
- Костин Е.А. 2023. Страсти по России. Смыслы русской истории и культуры сегодня. СПб., Алетейя, 482.
- Лабутина Т.Л. 2021. «Свой»/«Другие»/«Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., Алетейя, 596.
- Леви-Строс К. 2018. Печальные тропики. М., Издательство АСТ, 448.
- Малинова О.Ю., Миллер А.И. 2021. Введение. Символическая политика и политика памяти В.: Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: 7–38.
- Олешко В.Ф. 2021. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. СПб., Алетейя, 47.
- Парсонс Т. 1997. Система современных обществ. М., Аспект Пресс, 270.
- Прудникова Е.А. 2019. Мифология «Голодомора». М., Вече, 488.
- Рогов К. 2021. Генезис и эволюция постсоветских политий. В: Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М., Новое литературное обозрение: 192-231.
- Тощенко Ж.Т. 2003. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., Российская политическая энциклопедия, 432.
- Тюпа В.И. 2021. Горизонты исторической нарратологии. СПб., Алетейя, 270.
- Фадеева Л.А. 2012. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., Новый Хронограф, 320.
- Халас Э. 2021. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков, Гуманитарный центр, 296.
- Харрис С. 2020. Приглашение в социологию эмоций. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 224.
- Шелер М. 1999. Ресентимент в структуре моралей. СПб., Наука, Университетская книга, 231.
- Эппле Н. 2021. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. 2-е изд. М., Новое литературное обозрение, 576.
- Bentley A.F. 1995. The Process of Government: A Study of Social Pressures. New York, Routledge, 534.
- Chatterjee P. 2004. The Politics of the Governed: Reflections on Popular Politics in Most of the World. Columbia University Press, 173.
- Field G.L., Higley J. 1980. Elitism. New York, Routledge, 1980, 135.
- Gill G. 2013. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 246.

References

- Andreychenko N., Reus A. 2022. *Indeologiya*. 1-e izd. [Indianology. 1st ed.]. M., Prikvel, 320.
- Apyrshko P.P. 2021. *Kommunizm, antikommunizm, rusofobiya v postsovetskoy Rossii* [Communism, Anti-Communism, Russophobia in Post-Soviet Russia]. 2-e izd., dop. M., Mir filosofii, Algoritm, 607.
- Ariason Y. 2021. *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilizational Patterns and Historical Processes]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 304.
- Assman A. 2023. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 328.
- Bart R. 2019. *Mifologiya*. 5-e izd. [Mythology. 5th ed.]. M., Akademicheskii proekt, 351.
- Blumer G. 2017. *Simvolicheskiy interaksionizm: metod i perspektiva* [Symbolic Interactionism: Method and Perspective]. M., Elementarnye formy, 346.
- Bobkova M.S. 2019. *Sostoyanie perekhodnosti i smysly istorii* [The State of Transitivity and the Meanings of History]. SPb., Evraziya, 400.
- Van den Akker R. 2020. *Metamodernizm. Istrichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. M., RIPOL klassik, 496.
- Golosov G.V. 2024. *Politicheskie rezhimy i transformatsii: Rossiya v sravnitel'noy perspective* [Political Regimes and Transformations: Russia in a Comparative Perspective]. M., Ruteniya, 404.
- De Trassi D.A.-L.-K. 2018. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova* [The Basics of Ideology. Ideology in the Proper Sense of the Word]. M., Akademicheskii proekt, 255.
- Dyurkgeym E. 2021. *Moral'noe vospitanie* [Moral Education]. M., Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 456.
- Ivanov A.G. 2019. *Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii* [The System of Modern Social Mythology]. SPb., Aleteyya, 182.
- Yoas Kh. 2023. *Vozniknovenie tsennostey* [The Emergence of Values]. SPb., Aleteyya, 312.
- Koktysh K.E. 2020. *Politicheskiy institute* [Political Institute] In: *Teoriya politiki: Uglublennyy kurs* [Theory of Politics: An in-depth Course]. M., Izdatel'stvo «Aspekt Press»: 158–182.
- Kostin E.A. 2023. *Strasti po Rossii. Smysly russkoy istorii i kul'tury segodnya* [Passion for Russia. The Meanings of Russian History and Culture Today]. SPb., Aleteyya, 482.
- Labutina T.L. 2021. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodeystviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii [«Ours»/«Others»/«Strangers»: from the History of Interaction and Confrontation Between the West, East and Russia]. SPb., Aleteyya, 596.
- Levi-Stros K. 2018. *Pechal'nye tropiki* [Sad Tropics]. M., Izdatel'stvo AST, 448.
- Malinova O.Yu., Miller A.I. 2021. *Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati* [Introduction. Symbolic Politics and the Politics of Memory] In: *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope: sbornik statey* [Symbolic Aspects of Memory Politics in Modern Russia and Eastern Europe: a Collection of Articles]. SPb., Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 7–38.
- Oleshko V.F. 2021. *SMI kak mediator kommunikativno-kul'turnoy pamyati* [Mass Media as a Mediator of Communicative and Cultural Memory]. SPb., Aleteyya, 471.
- Parsons T. 1997. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. M., Aspekt Press, 270.
- Prudnikova E.A. 2019. *Mifologiya «Golodomora»* [The Mythology of the «Holodomor»]. M., Veche, 488.
- Rogov K. 2021. *Genezis i evolyutsiya postsovetskikh politiy* [Genesis and Evolution of Post-Soviet Politics]. In: *Demontazh kommunizma. Tridtsat' let spustya* [Dismantling Communism. Thirty Years Later]. – M., Novoe literaturnoe obozrenie: 192–231.
- Toshchenko Zh.T. 2003. *Etnokratiya: Istoriya i sovremennost'*. *Sotsiologicheskie ocherki* [Ethnocracy: History and Modernity. Sociological Essays]. M., «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya», 432.
- Tyupa V.I. 2021. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of Historical Narratology]. SPb., Aleteyya, 270.
- Fadeeva L.A. 2012. *Kto my? Intelligentsiya v bor'be za identichnost'* [Who are We? Intelligentsia in the Struggle for Identity]. M., Novyy Khronograf, 320.
- Khalas E. 2021. *Simvoly i obshchestvo. Interpretativnaya sotsiologiya* [Symbols and Society. Interpretive Sociology]. Khar'kov, Gumanitarnyy tsentr, 296.
- Kharris S. 2020. *Priglasenie v sotsiologiyu emotsiy* [Invitation to the Sociology of Emotions]. M., Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 224.

- Sheler M. 1999. Resentiment v strukture moraley [Resentment in the Structure of Morals]. SPb., Nauka, Universitetskaya kniga, 231.
- Epple N. 2021. Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh. 2-e izd [The Inconvenient Past: the Memory of State Crimes in Russia and Other Countries. 2nd ed.]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 576.
- Bentley A.F. 1995. The Process of Government: A Study of Social Pressures. New York, Routledge, 534.
- Chatterjee P. 2004. The Politics of the Governed: Reflections on Popular Politics in Most of the World. Columbia University Press, 173.
- Field G. L., Higley J. 1980. Elitism. New York, Routledge, 1980, 135.
- Gill G. 2013. Symbolism and Regime Change: Russia. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 246.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.05.2024

Received: 22.05.2024

Поступила после рецензирования: 29.05.2024

Revised: 29.05.2024

Принята к публикации: 30.05.2024

Accepted: 30.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рязанцев Александр Александрович, соискатель, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орел, Россия

 [ORCID: 0009-0008-5371-680X](https://orcid.org/0009-0008-5371-680X)

Alexander A. Ryazantsev, Applicant, Central Russian Institute of Management – a Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia